

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ТРАДИЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН

Хадикова А.Х., Дауева Т.Т.

ФГУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, Владикавказ, Россия (362040, г. Владикавказ, Пр. Мира, 10); e-mail: khadikovaa@mail.ru

В статье анализируется коммуникативный аспект традиционной политической культуры осетин в исторической ретроспективе, начиная с самых архаических пластов. Исторически сложившиеся модели политического поведения рассматриваются в процессе воспроизводства этнокультурной информации с учетом действия функций традиций. Выявляются архетипы власти и идеи лидерства, бытующие в этническом сознании, их этнокультурная связь с позитивной оценкой воинской эстетики – важного компонента наследия северо-иранских предков осетин. Традиционная политическая культура зримо воплощалась на *ныхасе* – народном собрании, бытовавшем вплоть до конца 19 века. Анализируется кодекс «*лагдзинад*» («мужчинства») как одна из форм поведенческой актуализации базовых категорий традиционной политической культуры осетин. Устойчивые этнические ценности, на которые, в числе прочего, повлияли незабытые традиции аланской средневековой государственности, сформировали высокий уровень толерантности и политической лояльности современных осетин, которые не были вовлечены в террористическую деятельность за всю историю российского Северного Кавказа.

Ключевые слова: этничность, разделенные народы, культурная преемственность, иерархия этнических ценностей, этническое сознание.

THE COMMUNICATIVE ASPECT OF OSSETIAN'S TRADITIONAL POLITICAL CULTURE

Nadikova A.H., Daueva T.T.

Federal State Institution of Science "North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Researches after V. Abaev" Science Center of Vladikavkaz of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia (362040, the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Mira avenue, 10); e-mail: khadikovaa@mail.ru

The article analyzes the communicative aspect of the traditional political culture of Ossetians in historical perspective, beginning with the most archaic layers. Historically established patterns of political behavior are considered in the process of reproduction of information in terms of ethno-cultural action functions traditions. Identifies the archetypes of power and ideas of leadership prevalent in the ethnic consciousness of their ethnic and cultural bond with the positive assessment of military aesthetics – an important component of Heritage North – Iranian ancestors of the Ossetians. Traditional political culture visibly embodied by *Nykhas* - public meeting that existed until the late 19th century. It analyzes the code «*lagdzinad*» («*muzhchinstva*»), as a form of behavioral actualization basic categories of traditional political culture of the Ossetians. Stable ethnic values, which, among other things, influenced unforgotten tradition Alan medieval statehood, formed a high level of tolerance and political loyalty of the modern Ossetians, who were not involved in terrorist activities in the history of the Russian North Caucasus.

Keywords: ethnicity, the divided people, national mentality, cultural continuity, hierarchy of ethnic values, ethnic consciousness.

Введение

В статье в историко-генетическом аспекте рассматриваются коммуникативные принципы, а также ситуативные поведенческие коллизии в системе управления, составляющие суть традиционной политической культуры осетин.

Политическая культура, созидаемая в недрах традиционного общества, суммирует исторический опыт народа, вбирает все сферы человеческой деятельности в системе управления. По сути же она регламентирует те взаимоотношения, где одни влияют на

поведение других. Анализ именно коммуникативного аспекта политической культуры в исторической ретроспективе, начиная с архаических пластов, может способствовать более глубокому пониманию и самого феномена власти, и социальной эволюции этноса. Изучение исторически сложившихся моделей политического поведения представляется крайне полезным еще и ввиду опасности их использования в современных политических манипуляциях.

Воспроизводство этнокультурной информации в процессе политического развития общества завязано на директивных функциях традиций как основе правосознания и политического мышления. В общественной жизни современного этносоциума они воспроизводятся как осознанно, так и бессознательно, воплощаясь в поведении человека в соответствии с убеждением «так принято». В особенности это важно для народов, ориентированных на сохранение этнических ценностей, каковыми является большинство этносов Северного Кавказа. Политическая культура, присущая этим народам, обусловлена особенностями этносоциального развития каждого из них. На обобщенном уровне для региона характерны такие архетипы власти, как личный авторитет, сила, харизматичность – идея лидерства связана с культом исключительной личности, наделенной экстраординарными способностями. Это означает, что право на власть необходимо подтверждать в общественном мнении.

Как известно, к периоду начала российского изучения Северного Кавказа населяющие его народы стояли на различных этапах полито-, социо- и культурогенеза. Но, если и можно говорить об условном «кавказском» жизнеустройстве, то в первую очередь это касается некоего преобладания «мужских», т.е. воинских приоритетов. Разумеется, ни в малейшей степени это не связано с террористической деятельностью тех формирований, что действуют еще на территории Северного Кавказа и глубокие оценки которой лежат за пределами заявленной в данной статье темы. Стоит лишь отметить, что ничего общего с веками устоявшимися поведенческими и моральными нормами, мировоззрением и «горской» системой ценностей терроризм новейшего времени не имеет.

Традиционно на Северном Кавказе в известный учет в отношении власти шли понятия «сильный – слабый» и, соответственно, «достоин – не достоин». Речь, конечно же, идет не о мускульной силе или не только о ней. В осетинском нартовском эпосе присутствует женщина-лидер: мудрая и властительная Шатана обладает не физической силой, но холодным разумом, различными талантами, высокой духовностью, за что и пользуется среди воинов-мужчин непререкаемым авторитетом и серьезным влиянием.

В целом, в традиционной политической культуре осетин запечатлены все этапы их этнической истории – от скифо-сарматских реликтов, аланской государственности до

горской патриархальной жизни осетинских обществ в замкнутых ущельях Центрального Кавказа уже после разгрома Кавказской Алании. Важно подчеркнуть, что осетины, генетические индоевропейцы, но в то же время абсолютно полнокровные носители кавказской культурной традиции, издавна создают этно-, да и геополитический прецедент сближения европейского и кавказского миров. Особое значение этого возымело в период взаимной адаптации России и Северного Кавказа, в преодолении последствий длительной Кавказской войны (1817–1864), да и много позднее.

Традиции, как основа и прообраз правового мышления и регулирования, являются важным фактором социально-политической самоорганизации и внешней лояльности любого этносоциума. Народная этика, как и традиционный этикет, составляют мощный резерв стабилизации политической культуры. Вряд ли кому-то покажется парадоксальным тот факт, что в основе поддержания «дипломатического» уровня взаимоотношений и миротворческих традиций осетин учитывались, а подчас и продолжают учитываться представления и нормы, порожденные воинским укладом с его постулатами ненападения на мирные очаги, защиты слабых и т.д. [9]. В обществе, где воинство рассматривалось как правая, а не захватническая сила, как сословие, воплощающее принципы «истинной» морали, привлекательность и престижность воинственных идеалов, как и их инерционное сохранение легко объяснимы. Существуют научные исследования, связывающие формирование таких общечеловеческих моральных универсалий, как «дружба», «честь», «верность», «благородство», с феноменом воинского побратимства [1].

В обрядах и прочих формах миротворческой практики осетин активно присутствовало культурное наследие их предков – разнообразные формы символизации позитивной оценки воинских всаднических ценностей и качеств. Но активность традиционной политической культуры этого народа уместней исследовать в период, наступивший уже после разгрома аланского государства, когда в условиях горной изоляции стали стихийно возникать естественно-культурные комплексы ущельных обществ.

Осетинские общества 18 – нач. 20 в. представляли собой самостоятельные поселения с постоянным населением, идеологическим, экономическим единством, общностью коммуникаций, организаций для защиты и т.д. Свои социальные интересы эти общества защищали через законодательные центры группы селений. Речь идет о народном собрании «нихас» – организаторе властных отношений в политико-экономических объединениях. Нас нихас интересует как коммуникативный центр всего мужского населения, моделирующий многие аспекты общественно-значимых поступков.

Фиксируемый на нихасе характер идеалов политического поведения свидетельствует о том, что власть осуществлялась за счет общественного мнения, способного оказывать

ненасильственное влияние на действия людей. Именно народное собрание актуализировало традиционную политическую культуру как набор стереотипов, обеспечивающих социально стратифицированное общение. Статус коммуникантов выражался и не только в степени участия в обсуждении, но и в их пространственном расположении. В.Б. Пфаф в 1871 году замечал: «В совещаниях общества на нихасе участвуют преимущественно только старики» [8]. Однако чаще всего это был только внешний антураж – реально же мужчины среднего, т.е. самого дееспособного возраста, от 30 до 45 лет стояли к старшим ближе всех, принимали в обсуждении самое активное участие. Именно их голоса имели значительное влияние на исход обсуждаемого дела, но согласно «регламенту», они обязаны были выслушивать каждого уважаемого обществом старика. Наделенный правом решающего голоса избирался из числа тех, кто был умнее, отлично владел словом, знанием права, обычаев, этикета – т.е. всем тем, что обеспечивало ему личный и неоспоримый авторитет.

Проводимые на нихасе действия, помимо своей основной цели, несли еще и огромный социализирующий потенциал, создавая идеальные условия для критической самооценки человека. Знание и соблюдение всех тонкостей правил поведения на собрании было хорошей возможностью завоевать общественное признание.

Нихас, организовывая повседневную жизнь общества, все же прерывал на некоторое время ее монотонный ритм, всегда являясь событием, вынуждающим оттачивать свое поведение и манеры, что предполагало существование довольно строгих требований к внешнему виду участников. В.Б. Пфаф, в частности, наблюдал: «По окончании молебна была назначена сельская сходка. Все мужчины деревни явились на этой сходке вооруженными кинжалами и в прекрасной одежде... Общество становилось полукругом» [7].

Нихас организовывал общество на ключевых позициях традиционной политической культуры, которая, в свою очередь, знаково фиксировала внутреннюю структуру сельской общины и в значительной степени обуславливала ее единство. В этой связи вполне естественна высочайшая степень семиотичности всего происходящего здесь. Символика нихаса имела сущностное социальное содержание и глубокий смысл.

К концу 19 в. нихас уже потерял свою демократическую сущность, перестал быть ареной спортивных молодежных состязаний, народного сказительства, не исполнял более судебных функций [2]. Но формально, т.е. во внешнем выражении, система внутреннего управления тяготела к традиционным институтам. В частности, длительная сохранность нихаса с его кодовой фиксацией позиций народной этики позволяет считать его главным источником изучения традиционной политической культуры осетин. Отчетливая иерархичность нихаса, отражение личного статуса мужчины не только мерой участия в обсуждении, но и строго отведенным для него местом и даже приличествующей позой по

сути являются инерционно сохраняющимися официозными отношениями эпохи военной иерархии, соблюдаемыми и в более позднее время, у осетин – вплоть до начала XX века. Вовсе не случайно и то, что создавшаяся в 90-е годы XX века национальная общественная организация включила в свой состав исключительно мужчин и взяла название Стыр (большой, главный) Нихас.

В основе официозного поведения как визуального отражения традиционной политической культуры осетин лежит нравственно-поведенческий кодекс «лагдзинад» («мужчинство») [9]. В 2012 году в Северо-Осетинском госуниверситете совместно с коллегами из Южной Осетии по этнопсихологическим методикам проводились исследования субъективной картины жизни северных и южных осетин. Результаты отразили и некоторые аспекты их традиционной политической культуры. Интересно, что и сейчас еще сохраняются нормы «лагдзинад», ими предопределяется высокий статус таких ценностей, как самостоятельность и стремление к достижениям в юности, в зрелом возрасте к ним добавляется еще и ценность силы авторитета, т.е. права влияния. Согласно методикам, определяющая цель самостоятельности – свобода мышления и выбор способов действия. Известно, что как ценность самостоятельность производна от потребности самоконтроля и самоуправления. Все это ни в малейшей степени не расходится с идеалами, свойственными мировоззрению и воинственному этосу далеких и близких веков в этногенезе осетин. К примеру, одним из важнейших постулатов народной педагогики осетин, а конкретно воспитания юношей, являлась постоянная организация состязательного соперничества между ними. Стремление быть первым вполне характерно для подобного типа культур. «Ладгинад» же был целью и общей канвой всех воспитательных усилий. Однако столь культивируемая в веках мужественная сила была строго подконтрольна общественной морали, примерами чего изобилует осетиноведческая литература, нартовский эпос, обрядово-ритуальная практика и т.д. Как в 1813 году замечал Ф. Леонтович, у осетин «большое значение придавалось привитию детям умения держаться с достоинством и в то же время почтительно, вежливо говорить и соблюдать поведенческие установки, соответствующие возрасту» [5].

«Ладгинад» не допускал возможности отказа в случае, если к мужчине за помощью обращался слабый. В исключительных случаях на традиционном нихасе допускалось присутствие женщины, например, в ситуации, когда защиты общества просила вдова. Отстаивать интересы вдов и сирот обязательно добровольно вызывался кто-либо из мужчин, чем неизменно вызывал всеобщее уважение и повышение личного авторитета. Нартовский эпос содержит примеры того, что славу и престиж мужчины составляют не только боевые победы, но и опека над беззащитными. В мифопоэтическом творчестве осетин также

присутствуют многочисленные указания на те методы ведения войны, которые сейчас можно назвать цивилизованными – не разорять мирных очагов, не нападать на стариков, женщин и детей, не добивать раненых, лежачих и многое другое [6].

Предупредительность во взаимоотношениях была чрезвычайно важна там, где суровые горные условия выживания могли озлобить людей, снизить накопленный предками культурный потенциал. «Осторожность и вежливость, – писал В.Б. Пфаф об осетинах, – одно из первых требований обычая» [8]. Гуманизм, так впечатлявший тех, кто обнаруживал его в горах Осетии еще в позапрошлом веке, мирные взаимоотношения, общинный и общественный порядок обеспечивались не только нормами этики общения, но и развитой системой народного судопроизводства – серьезного фактора традиционной политической культуры. Улаживанием конфликтов занимались общинные суды, имевшие у осетин древние корни. Традиционный осетинский суд являлся посредническим. Состав судей избирался конфликтующими сторонами. Одним из действенных способов мирного разрешения конфликтов была также и присяга.

Все основные принципы традиционной политической культуры, как и поведенческой этики в целом, были направлены на предотвращение столкновений любого уровня. Следование требованиям морали, осознание преимущества общественного блага над личными эмоциями и исканиями формировали основы гражданского сознания и толерантного поведения. Требования предельной лояльности и учтивости еще более усиливались во внешнем общении, т.е. с представителями других этносов: «Мы замечали у осетин чрезвычайную предупредительность, осторожность в словах и вежливость в обращении с чужими» [7].

Практика предотвращения стихийного проявления силы, сохранения мирного сосуществования была сутью действенной активности традиционного морально-нравственного кодекса «агъдау». Серьезное отклонение от его принципов (учтивости, почтительности, деликатности, и т.д.) грозило возможностью «потерять всякое человеческое достоинство и значение в глазах даже самых близких людей, не говоря уже об обществе, которое заклеит его, раз и навсегда, своим полным презрением» [3].

В целом, традиционная политическая культура осетин преимущественно отражает два пласта их этнической истории. Это быт и мировоззренческая система североиранских предков, а также тяжелейший безземельный период выживания осетинских общин в горах. Основные нормы народной дипломатии, политической культуры в целом, таким образом, формировались под воздействием воинской, всаднической идеологии, а также и патриархальных нравственных убеждений. Совокупность именно этих факторов, как и не вполне забытые традиции утраченной государственности сформировали то «справедливое и

уступчивое поведение», что наблюдал у осетин в 1781 году Л. Штедер [10]. Устойчивые ценности традиционной политической культуры лежат в основе того факта, что в Северной, в Южной Осетии никогда не было террористических этнических группировок. Осетины не были вовлечены в террористическую деятельность, столь последовательно сотрясающую Северный Кавказ и эпизодически вспыхивающую на прочих российских территориях.

Даже в самые критические периоды своей истории осетины придерживаются программной, но не клановой политики. Достаточно показательны в этом смысле выводы, сделанные профессором Университета Хоккайдо Кимитакой Мацузато при его посещении Южной Осетии в 2010 году о том, что, несмотря на тяжесть первой осетинской войны 1991–1992 гг., в Осетии не появилось господство бывших полевых командиров, которое имело место в Нагорном Карабахе. Налицо гражданский характер югоосетинской политики. Если сравнивать два непризнанных (Приднестровье и Нагорный Карабах) и два частично признанных – Южная Осетия и Абхазия – государства, то, по мнению профессора, можно наблюдать следующую закономерность: если у населения есть этническое разнообразие, то сохраняется больше возможностей для политического плюрализма [4].

Опыт разделенной жизни осетинского этноса оказался достаточно долгим для того, чтобы различные его части претерпели вполне ощутимые изменения в системе ценностей, в жизненных приоритетах, автостереотипах и пр. [4]. Тем не менее традиционная политическая культура демонстрирует длительную инерцию и в значительной степени присутствует в социальных стереотипах жизненных программ современных осетин.

Исследования каждой из этнических культур позволяют оценить их миротворческий ресурс, как и перспективы этнополитического развития такого многонационального федеративного государства, как Россия.

Список литературы

1. Беляева Г.В. Воинский этос и универсалии морали [Электронный ресурс] // Философский альманах / гл. ред. Новиков В.Н. – Минск, 2005. – URL: http://www.literature.by/phil/journal_22.html (дата обращения: 17.05.2013).
2. Канукова З.В. Этнография осетинского пореформенного села: Учебное пособие. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. – 115 с.
3. Кокиев С.В. Записки о быте осетин. Сборник материалов по этнографии, изданный Дашковским этнографическим музеем. – М., 1885.
4. Интервью г. Мацузато Иналу Плиеву [Электронный ресурс] // Информационное агентство РЕС 31.12.10. – URL: <http://cominf.org/node/1166485714> (дата обращения: 02.10.2013).

5. Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Одесса, 1883. – Вып. 2. – 317 с.
6. Нарты. Осетинский героический эпос: В 3 кн. Кн.2. – М., 1989.
7. Пфаф В.Б. Народное право Осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. – Т.1. – С.177-220.
8. Пфаф В.Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // Сборник сведений о Кавказе. – Тифлис, 1871. – Т.1. – С.127-176.
9. Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. – СПб., 2003. – С.118-128.
10. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной зоны крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. – Владикавказ: Ир, 1967. – С.128.

Рецензенты:

Канукова З.В., д.и.н., профессор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Чибиров Л.А., д.и.н., зав. отделом этнологии ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.